

УДК 32 + 141.201: 021.141
DOI: 10.17223/1998863X/56/25

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО¹

Политическое конструирование образа будущего связано с моделированием смыслового мира. Востребованность образа будущего имеет свои непреходящие основания в культурно-семиотическом, конструктивно-творческом и проективном потенциале человека. В статье рассматриваются теоретические подходы и исторический опыт обращения к образу будущего как политическому конструкту в различные эпохи, актуальные проблемы политического управления сознанием в моменты системных и внесистемных кризисов.

Ключевые слова: политическое конструирование, образ будущего, моделирование, текст, смысл, коммуникация, управление, реальность.

Согласно политико-конструктивистскому подходу, политическая реальность искусственно создается в образно-символической форме, т.е. она предстает в виде смыслового мира, имеющего субъективный генезис. Политический же момент в деле символизации реальности связан с конструктивной деятельностью власти, которая (посредством еще одного суррогата, медиареальности) задает интерпретационные рамки и дискурсивно навязывает определение мира [1]. Процесс политического конструирования реальности организуется в виде действия моделирования, когда программа или моделирующий образ выступает символической репрезентацией, тем самым задавая конституцию потребной реальности. Отсюда очевидно, что сконструированный образ мира или оформленное представление о мире является лишь символической сущностью, субститутом политической действительности. Конечно, такого рода политическое конструирование происходит в ходе коммуникации как символического обмена. Итак, под образом мы будем понимать искусственный конструкт, конституированный символическим способом и служащий для передачи значимого сообщения в коммуникации. Здесь проявляется семиотичность трактовки, поскольку в нашем понимании политическая коммуникация преимущественно говорит на «языке образов».

Конструктивно установленный образ обладает качеством репрезентации или представленности, замещает и подменяет политический мир. На основании высказываний П. Рикера и Э. Кассирера (см.: [2; 3]) мы можем констатировать, что репрезентация связана с феноменом памяти, оформленным концептуально. Тем самым репрезентация выражена в комплексном представлении об объекте. Однако представленность объекта здесь не прямая, но выражается через некий заместитель или медиатор. Этим заместителем может выступать и выступает образ, но образная представленность (как и представленность вообще) никогда не бывает полной. Образная репрезентация динамична, поскольку каждая новая власть в переломный момент выступает

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, проект «Политическое конструирование университетского города в формируемом образе будущего России», № 20-011-31664.

конструктором политической реальности: формирует представление о себе самой и переопределяет реальность. При всей своей динамичности образ мира интегрален и отражает некую целостность. Будучи феноменом, по сути, содержанием политического сознания, образ структурирован, и элементами его структуры выступают факты-конструкты креативного сознания. Это значит, что образ не содержит произвольных и «чистых» фактов, но всегда включает отобранные, проинтерпретированные и значащие элементы (см.: [4]). Так, согласно политическому конструктивизму, создаются образы прошлого, настоящего или будущего. И образ будущего, выступая конструкцией его наиболее ожидаемых характеристик, отличается лишь сугубо абстрактным, умозрительным и даже метафизическим способом креатива.

Образ, с конструктивистских позиций, концентрирует в себе систему понимания и трактовки. Это значит, что образы выступают в качестве носителей смысла, смысловых конструкций. С точки зрения социальной феноменологии осмысление осуществляется способом подведения под интерпретативную схему. В случае успешного «наложения схемы» субъективный смысл объективируется в коммуникации, утверждаясь в интерсубъективном плане. Поскольку предметом нашего исследования выступает политическое конструирование образа будущего, то на первый план выходит именно коллективный феномен смысла. Другими словами, образы как знаки, передающие понятия, включены в семиотику языка, а язык, в свою очередь, трактуется в качестве знаковой системы. То есть образы здесь выступают сообщениями, передающими значимую информацию посредством коммуникации, символического обмена. Чтобы коммуникация стала смыслонесущей, надо определиться с языком, в котором кодируются сообщения.

И здесь мы обращаемся к понятию языка культуры, поскольку культура выступает основным значащим контекстом для социума. Итак, осмысление любой реальности, в том числе и политической, осуществляется в языке культуры. Именно в языке культуры конституируются значимые представления и их интерпретации. Следовательно, язык культуры, отличаясь фиксированными значениями, становится «формой» понимания и «рамкой» ориентации. В итоге в языке конституируется и общая структура смысла, которая постоянно воспроизводится коммуникативно. Языковыми средствами, с помощью которых люди вступают в смыслонесущую коммуникацию, служат знаки, символы и тексты. Для нас базовой семиотической категорией в контексте понимания культуры выступает текст, требующий смыслового перевода с одного языка на другой. От проблемы релевантного перевода, когда совершается обмен значимыми высказываниями между культурами, зависит рецепция.

К. Гирц, исследуя культуру на предмет феномена смысла, использует категорию «политика смысла». Политика вообще, полагает он, задается конструктивными особенностями культуры. И культура здесь понимается как структура смысла, а политика – это одно из поприщ, где данные структуры публично представляются [5. С. 362–363]. Получается, что культуры отличаются согласно ими же установленным конфигурациям смысловых конструкций. Некоторые значимые представления, образы, интерпретации, а также их концептуальные оформления закрепляются в культуре и становятся ее традиционными элементами. Для одной культуры значимо одно, для другой – иное.

Культурные значения придаются общественному сознанию с помощью культурных моделей. Модели объективируют значения, воплощая их в понятия, и затем воспринятые значения становятся образцами одобренного в культуре поведения. Культурная модель – это своего рода программа, и она выступает репрезентацией / образом / символом программируемой реальности [6. С. 111–112]. Тем самым значимые образы культуры превращаются в программирующие прототипы для сознания и поведения. Другими словами, культура конструктивна по своей сути, она всегда «вырабатывает» смысловые культурные феномены. Культурные модели образуются в виде целого комплекса символов, по принципу системы, когда каждый элемент имеет свое значимое место и экстраполируется на конфигурацию одобренных в культуре смыслов. Именно значимые образы репрезентируют культуру, ее особенности, а конфигурация смыслов относится к константам культуры. Культурное моделирование – это универсалия, так как способом символического моделирования конструируются все реальности, в том числе и политическая, о чем уже упоминалось.

С семиотической точки зрения культура представляет собой искусственно созданную реальность, конструктами которой и выступают тексты. Ю.М. Лотман во многих своих работах связывал понятия текста, культуры и коммуникации. Поскольку культура является текстом сложного строения, то, с точки зрения идентификации культуры «существуют только те сообщения, которые являются текстами» [7. С. 436]. Лотман для определения и текста, и культуры использует понятие системы. Если же собрать все базовые характеристики текста, понимаемого семиотически разными исследователями, то получится, что текст – это любая искусственно сотворенная и структурированная знаковая система, наделенная определенным значением, содержащим определенный смысл. Такой текст-сообщение выступает одной из форм языка культуры, а образ, в свою очередь, в контексте коммуникации можно понимать как текст. И сегодня очевидно, что язык, трактуемый в широком семиотическом ключе, не просто нейтральный «передатчик» информации, но именно в языке конструируется реальность. Например, текст-сообщение о будущем конструирует реальность будущего, и мы «читаем» этот текст на языке образов. Культура по своей природе одновременно является и сложившейся системой значимых текстов (и образов), и контекстом смыслов, который постепенно меняется по мере смены исторических эпох.

Политическая культура, тесно связанная с общекультурными моделями, нами трактуется наподобие символической системы и структуры особых политических значений. Получается, что осмысление политической реальности осуществляется в особом языке политической культуры, и здесь мы опять обращаемся к ее базовому языковому средству – политическому тексту. В политической культуре как фиксированной структуре значимых текстов особую роль играет текст будущего, но «текст этот нами еще не прочитан» [8. С. 37]. В данной связи политический текст будущего заведомо проявляет свой проективный характер. Будущее предстает воображению в виде общезначимой цели, и потому программа будущего имманентно содержит миссию возрождения мира.

Когда мы ведем речь о будущем, то всегда отмечаем взаимосвязанность трех ориентированных на время «слоев» опыта жизни человека и мира: про-

шлое – настоящее – будущее. Блестящий пример в отношении конструкта событийного ряда прошлого дает исследование исторической репрезентации у П. Рикера. Прошлое «виртуально», полагал он, мы «вспоминаем» прошлое, и тогда оно становится образом настоящего [2. С. 83]. Получается, что прошлое, в виде текста, знаковой конструкции, передающей определенный смысл, репрезентировано настоящим. Потому ключевой момент для оценки уроков прошлого и переписывания текста прошлого – это настоящее, следовательно, текст прошлого «читается» в настоящем. Для нас в деле сопоставления прошлого, настоящего и будущего важно не столько понятие времени, сколько категория реальности. Здесь под реальностью нами понимается смысловой мир, субъективно выстроенная образная конструкция. Данные миры значений конституированы креативным сознанием, т.е. именно сознание определяет состав фактов-конструктов потребной реальности. Миры прошлого, настоящего и будущего относятся к значимым образам политической культуры, когда знание должно положительно коррелировать с пониманием. То есть они заведомо ориентированы коммуникативно, это образы-сообщения о том, что было, есть и будет.

При этом прошлое и настоящее имеют разный онтологический статус. Настоящее существует в виде данности и действительности, которую можно непосредственно воспринимать, познавать опытным путем и верифицировать. Хотя, с точки зрения конструктивизма нет абсолютно «чистых» фактов. Факты – это всегда конструкты сознания, результат интерпретации и переработки. Даже события настоящего сознание трансформирует в субъективно понимаемые факты (не говоря уже о медиафактах, заведомо сконструированных). Ментальный образ, будучи представлением о чем-то, создается путем абстрагирования, выделения лишь существенных черт реальности. Даже образ настоящего, полученный в результате «простой» репродукции, представляет собой уже преобразованную реальность. Но сознание еще и креативно, фантазируя и воображая другие миры. Будущее, в отличие от настоящего, существует гипотетически и умозрительно, его образ – всегда результат метафизического опыта. Это исключительно субъективно фиксируемая реальность, родственная миру фантазмов. Однако образ будущего, с другой стороны, не сводится исключительно к воображаемому, представление о будущем есть результирующая действия практического разума [9]. Конечно, мы можем фантазировать и о прошлом, в этом смысле Рикер назвал его «виртуальным», ведь оно существует не только в «чистой» памяти, но и в воображении. Но прошлое как таковое уже было, поскольку его событийный ряд конституирован, и хронологическая последовательность того, что свершилось, доведена до настоящего. Прошлое как объект истории уже состоялось, но субъективно в любой момент настоящего дано для актуальной интерпретации в тексте. Будущее же существует в модусе вероятности и казусе возможности. Оно дается как предмет в настоящем лишь в категориях апперцепции и заведомо бытует в виде конструкции сознания. Будущее «реально» в абстрактных понятийных формах, в идеализациях креативного сознания, в мистических прозрениях, в футуристических фантазиях. Будущее возможно лишь в теории, это буквально «иная» реальность, та, которой здесь и сейчас еще нет. Оно виртуально по существу, но злободневность будущему и его коллективному образу придают политические проекты власти.

Какие же конструктивистские операции совершает сознание в отношении экспликации прошлого и будущего, когда они требуют актуализации? Текст прошлого подвергается мыслительной операции реконструкции. С позиции настоящего текст прошлого подвергается расшифровке, для этого выбирается язык или код. Уже раскодированный текст осмысливается и понимается с позиции настоящего, подводится под актуальную интерпретативную рамку. И все это совершается в коммуникации, как правило, носящей политический характер. Собственно в настоящем и создается образ или историческая репрезентация прошлого. Потому прошлое всегда переосмысливается в политическом ключе, а история переписывается. Как мы уже подчеркивали, доминантное значение в отношении семантики прошлого задает настоящее, с которым связано и будущее. Тем более что настоящее неизбежно станет будущим, и потому оба представления связаны тесной смысловой связью. Если прошлое видится в перспективе настоящего, то будущее само служит репрезентацией перспективы настоящего. Знаки будущего не просто семиотизированы в настоящем, но имеют проекции значений в будущем. Будущее, в категориях нашего научного подхода, конструируется как смысловой мир.

Поскольку речь идет о коммуникации с текстом будущего, то будущее «шифруется» в настоящем. Для этого выбирается «код» или язык шифровки текста будущего. В качестве «писателя» текста будущего мы чаще всего представляем футуролога, социального ученого или политического провидца. «Читателем» же обычно выступает «коллективная личность», как Б. Успенский называет социум, участвующий в коммуникации с текстом. Относительно содержания текста, этой совокупности существенных и отличительных признаков будущего, то его образуют отдельные конструкты сознания, представляющие собой «факты» гипотетической реальности будущего. Так «пишется» и «читается» текст будущего. Данный текст конструируется с помощью культурного моделирования, о котором уже шла речь. То есть символическая программа будущего воспроизводится в структуре «фактов» актуально потребной реальности, когда каждому символическому элементу модели соответствует структурный элемент проекта будущего. В результате субъективная реальность будущего обретает понятийную форму и в силу своей концептуальной «законченности» становится текстом. Так формируется представление или образ будущего, репрезентирующий, по сути, какой-то ментальный тренд настоящего (возможно, связанный и со значимым прошлым). Конструируемое представление о будущем как целостность, вся структура создаваемого образа «завязаны» на знаках, потому связь настоящего и будущего сугубо символическая.

Итак, знаки будущего означаются в настоящем и в смысловом контексте настоящего становятся знаками будущего. Шифровка будущего происходит в политическом языке, понимаемом семиотически. К примеру, политическим языком может выступать любая теория (классический марксизм или новомодная теория заговора). С точки зрения феноменологии будущее станет «реальностью», если феномены будущего (содержания коллективного сознания, характеризующие будущее) как бы выйдут из-под контроля нашего личного сознания. И мы, хотим того или нет, но будем считать неизбежным наступление фазы коммунизма или всеобщее «чипирование» человечества. То есть, по сути, требуется вера в реальность феноменов будущего, а «зна-

ние» черт и качеств будущего дает нам эту веру в «реальность» (человек обречен либо на социальную справедливость, либо на тотальный контроль). Собственно, люди верят в «код», «знание» о котором сообщается посредством политической коммуникации. Теперь мы «знаем», что так «будет».

Какова же распространенная модель кода или шифра реальности будущего? Такой универсальной рамкой представления выступает мифосхема, что имеет под собой культурно-антропологические основания. И если текст будущего кодируется и посылается как значимое послание политической властью, то перед нами политическое конструирование будущего. Власть при этом навязывает социуму стратегию-цель будущего и заботится о понимании знакового ряда своих сообщений. Месседж о будущем относится к разряду судьбоносных, обозначающих черты нового порядка и нового мира. В основе модели лежит мифосхема: «хаос – космос». В начале нарратива (повествования на языке образов) следуют характеристики того, как мир впадает в состояние хаоса и идет к своему концу. Природа, общество, сферы деятельности человека и он сам характеризуются упадком. Государство и власть полагаются ввергнутыми в состояние беспорядка. Далее, после описания самой низкой точки падения, следует рассказ о возрождении и спасении мира. Мир, согласно логике мифа, неизбежно возрождается к новой жизни и новому порядку. При этом власть (герой) возлагает на себя не только миссию спасения, но и берет все под свой контроль. Тогда мир космизуется. В семиотическом плане главное значение уже прописанному тексту будущего сообщает «новизна», так как все новое после возрождения сакрализуется.

Указанная мифосхема «работает» в контексте общей концепции политически управляемого будущего, не важно, опирается ли она на идею предопределения или идею научного детерминизма. И здесь два типа сознания, «космологическое» и «историческое» (по Успенскому), прекрасно уживаются в пределах одного политического концепта. Космологическое сознание опирается на исходный онтологический (по сути, мифологический) текст, который постоянно воспроизводится событийно, предопределяя текст будущего. Потому будущее символически опосредовано этим первоначальным и интегральным состоянием. Историческое же сознание опирается на причинно-следственную связь, ведущую в будущее в качестве его эволюционной проекции. Если для космологического сознания значимо прошлое, то для исторического – будущее [8. С. 27–28]. Оба типа сознания по-разному представляют время (циклично или линейно), но при моделировании текста будущего одна трактовка может переходить в другую. И текст политически конструируемого будущего, как правило, демонстрирует феномен мифологизации. Связь времен прерывается, и политический лидер-спаситель присваивает символическую роль демиурга нового мира (отсюда значима роль революций). Поскольку текст будущего имеет метафизическую природу, постольку возрождение мира и описывается в символах и мифологических категориях (наступления новой эры). Интересно, что у нас распространено мифологическое представление о том, что история России постоянно повторяется и зацикливается и мы снова и снова «читаем» исходный текст.

Как бы то ни было, несмотря на гипотетичность самого феномена будущего, издавна существовало представление о заданности его параметров. Конкретным выражением данного воззрения стали идея предопределения и

идея детерминизма. Обе они трактовали будущее предначертанным и потому познаваемым. Еще в Средневековье существовали специалисты по предсказанию будущего по символическим знакам настоящего. Тем самым средневековое предвидение будущего «основывается на идее предопределенности: подобно тому, как существует событийный текст прошлого, существует и событийный текст будущего – все, что будет, уже заранее предопределено (с той или иной степенью конкретности)» [8. С. 37]. То есть предсказатели старались разгадать конкретную версию текста будущего, закодированного в исходном тексте текстов, в Священном Писании. В эпоху модерна будущее полагалось детерминированным исключительно направлением общественной эволюции и ходом прогресса, потому предсказанием будущего занялась наука. На этой основе стадия будущего, точнее, образ будущего становился политически контролируемым феноменом. Потребный образ будущего, репрезентируемый властью, экспонировался в виде социальной цели и политической ценности. Но сам модерн был в историко-семиотическом контексте назван «Новым временем», которое последовало за эпохой Возрождения, своего рода культурно-светской революцией. Итак, ценность «нового» была провозглашена сущностью эпохи, европейский мир космизировался в качестве нового мира.

Европейский модерн, опираясь на достижения науки и технологий, на протяжении XIX и XX столетий демонстрировал материально осязаемые фрагменты будущего, которое позволит изменить судьбу человечества: паровые двигатели, электричество, радио и телефония, летательные аппараты тяжелее воздуха, кинематограф и телевидение и т.п. Уместно здесь провести разграничения между «будущим» и «новым». И в этом плане стоит обратиться к Б. Гройсу. Автор предпосылает своей работе, посвященной постмодерну с его гипертрофированным отрицанием нового как главной черты модерна, экскурс в историю Нового времени, Просвещения. Следующие за ними эпохи, оформляясь идейно-политически подобно предшественницам, сочетали новизну и финализм в понимании будущего. Вместе с тем «будущее в модернистском сознании выглядит приблизительно так же, как представляли себе прошлое: гармоничным, неизменным и подчиненным единой истине. Утопизм модерна – своего рода консерватизм будущего» [10. С. 29–30]. Гройс помещает новое между прошлым и будущим. Новое – это ценное другое, позволяющее менять ход событий, имеющее основание войти в историческую память, в традицию. Это не слепое следование традиции (прошлому) и не ее полное отрицание. Отсюда инновации – это своего рода переоценка ценностей.

Скорость новых открытий, их наглядная утилитарность выглядели очевидным подтверждением достижимого и обустроенного будущего, покончившего с «домодерном». Мало того, презентация нового служила подтверждением того, что «мироправители века сего» служат будущему, а это снимало подозрение в том, что нынешний господствующий класс имеет одну задачу «быть в будущем». М.М. Бахтин замечал: «Вечная угроза сегодняшнего дня (разрядка Бахтина. – *Авт.*) всему, что хочет выйти за его пределы: несвоевременно, не нужно, не соответствует задачам. Самое несвоевременное бывает самым свободным, самым правдивым, самым бескорыстным. Сегодняшний день не может не лгать... Сегодняшний день всегда выдает себя (когда он насильничает) за слугу будущего. Но это будущее –

будущее продолжения, преемственного гнета, но не выход на свободу» [11. С. 65–66]. Таким образом, современность подправляет образ несовершенного настоящего отсылками к «временным трудностям» на пути к будущему, пояснениями, что «слуги будущего» стараются его приблизить, одновременно используя *новое* в доказательство правильности движения по этому пути и гарантированности лучшего будущего.

Управляемое настоящее и гарантированное «будущее продолжения» закреплялись полицейскими функциями государства, причем грань между современными (право)охранительными функциями государства и стремлением к единственно верному обустройству общества, как изначально определялся *полицейизм*, достаточно тонкая. Но именно изначально понимание полицеизма является онтологией гарантии беспроблемного будущего [12]. Сегодня исследователи обращаются к истории «полицейского общества» на фоне карательных акций и реакции мировой общественности на массовые протесты в США, вызванные действиями полиции, приведшие к гибели афроамериканца Дж. Флойда в Миннесоте. Эти протесты фактически вызвали непропорциональный ответ президента Трампа, пригрозившего бросить армию на подавление беспорядков, т.е. расширившего полицейские функции государства до предела. Ливия Гершон в этой связи рассматривает лишь один аспект – соотношение негосударственной и государственной полиции по защите порядка, читай – прав имущего класса [13].

Мысли З. Баумана относительно обеспокоенности правящего класса опасностью будущего, кроющегося в вольнолюбии, строптивости, непредсказуемости подданных, совпадают с вышеприведенной оценкой М.М. Бахтиным страхов «сегодняшнего дня» перед свободой, связанной с будущим. Как и Бахтин, Бауман отмечает, что «нет более надежного противоядия от мятежных нашептываний будущего, чем монотонная, строго контролируемая рутина и любимый лозунг власть имущих: „Нет выбора!“» [14]. Таким образом, оба автора сходятся в одном: власть и контроль в настоящем принадлежат тому, кто контролирует будущее. «Для достижения этой цели необходимо объявить, – писал Бауман, – что установлены такие исторические закономерности или божественные постулаты, которые образ будущего определили окончательно и бесповоротно, – или что удалось достичь такого могущества, которое позволяет влиять на ход грядущих событий, направляя их в намеченное русло» [Там же].

Консьюмеристская природа капитализма по мере сил развевала сомнения в полноценности настоящего, давая возможность купить «будущее» в виде технических новинок, модных вещей сезона, новых продуктов питания, чудодейственных лекарств, модных фильмов и т.п. И самое примечательное, что синонимичные постмодерну теории отрицания старой эпохи модерна (цифровая, информационная, знания, сетевая и пр.), делая акцент на качественном характере перемен, не избавили будущую перспективу человечества от вещной гарантии будущего «здесь и теперь». Но капитализм в своей бинарной природе породил и альтернативную идею будущего – коммунистическую. Образ такого будущего не выходил за привычные рамки модерна, огрубляя, можно сказать, была изменена полярность: «Мы путь земле укажем новый / Владыкой мира будет труд», как пелось в популярной в социал-демократических кругах песне начала XX в. «Красное знамя» (Czerwony

sztandar). С победой же пролетарской революции в России коммунистическая идея не просто получила «юридическую прописку» на шестой части земного шара, но могла влиять в качестве примера достижимого будущего на сознание и поведение людей за пределами советского государства. При этом задача презентации преимуществ социалистического будущего осознавалась с первых месяцев «новой эры», как определили временной водораздел творцы и идеологи революции.

Символически оформив миссию в виде восходящего солнца на гербе первого государства рабочих и крестьян, ведя борьбу с прошлым на всех фронтах – от общественного строя до быта, советская власть ухватила главную идею, чем эта революция отличалась от предшественниц. Она стала работать со смыслами, и в основу этой работы был положен Проект Великого будущего – коммунизма, сопутствовавший революционному проекту. Революционность будущего достигалась тем, что его элементы, не только вещные, но и идейно-смысловые, с энтузиазмом обнаруживались в настоящем и активно пропагандировались. Революционные мечты оформлялись в социально-политические конструкты нередко наивно-утопического характера [15]. Политическая оптика социализма была основана на том, чтобы видеть и предвидеть. И хотя предвидение было уделом классиков марксизма-ленинизма в силу обладания «единственно верным» учением, а потому в их опубликованных работах, архивах, воспоминаниях о вождах отыскивалось обоснование соответствия конкретного этапа страны и, следовательно, верного пути к светлому будущему. Вместе с тем опыт внутренней классово-борьбы показал, что образ будущего «не считывается» без подготовленного реципиента, а отсюда возникла задача, как ее обозначил в своей книге Е. Добренко, «формовки советского читателя», которому в художественной форме преподносились и положительный герой, и нужные паттерны, и привлекательные образы. Но механика «политики поэтики» начинается на более высоком уровне: чтобы состоялась «формовка советского читателя», была нужна «формовка советского писателя» [16, 17]. Сила художественного слова, образы в художественных фильмах, проникая в повседневность, образовывали гибридное общество, мирящееся с трудностями настоящего во имя светлых идей будущего.

Отдельно стоит отметить индоктринационную составляющую, характерную для советской школы, и ее образный компонент, формирование плакатного стиля политического мышления [18]. В целом об обеспечении нужного будущего заботится дисциплинарная, как ее назвал М. Фуко, власть. Проявление такой власти «воздействует непрерывно, причем обращена она не на промашку или нанесенный урон, но на некую поведенческую виртуальность. Еще до того, как поступок будет совершен, должно быть замечено нечто, позволяющее дисциплинарной власти вмешаться – вмешаться в известном смысле до совершения поступка, до тела, жеста или слова, на уровне виртуальности, предрасположенности, воли; на уровне души» [19. С. 70]. Фуко отмечает паноптический характер этой власти: «Видеть все, видеть всегда, видеть всех». Добавим, и видеть дальше всех, по крайней мере, навязывать эту мысль людям. Работа с образом будущего сродни формированию иллюзий, надо создать впечатление у людей, что они видят то, чего нет. И эта работа велась не только в индоктринационном пространстве школьного класса, но и

общества в целом и, шире, в мировом масштабе. Фактически страна Советов стала школой будущего для всего мира. Ф. Фюре писал: «Иллюзия не просто „сопровождает“ коммунизм, она его созидает: она не зависит от его развития ибо предшествует опыту... Ее основой является политическое воображение современного человека» [20. С. 14]. Человеку модерна капитализм предложил идею прогресса вместо идеи Бога, социализм как отрицание капитализма – на тех же принципах прогресса всеобщее царство коммунизма. Крах этой идеи, дегуманизация образа коммунизма вновь ввергла наших современников в темный туннель истории, где не видно конца, «куда человек углубляется, не зная, к чему приведут его действия, не уверенный в своем будущем и в научной обоснованности того, что он делает. Лишившийся Бога, демократический индивид увидел с тоской, как в конце века зашаталось на своем пьедестале божество истории: эту тоску ему еще предстоит заклясть. Страх перед неуверенностью соединяется в его сознании с возмущением по поводу того, что будущее закрыто» [Там же. С. 558]. Таким образом, опыт альтернативного советского проекта показал, с одной стороны, важность образа будущего и работы по его формированию, а с другой – человек, живущий в двух мирах – реальном и иллюзорном, не мог быть постоянно очарованным последним, закрывая глаза на действительность, и политическую в том числе.

Конструирование будущего в модерне производилось в категориях исторического сознания, постулировавшего, что все человечество идет по одному пути, заданному объективными законами. Этот путь ведет к моноцели – достижению высшей стадии социального развития. Такому уровню соответствовали «коммунистическое» общество (К. Маркса) и «постиндустриальное» общество (Д. Белла), но и то и другое представляли собой лишь умозрительно созданные конструкции социальных ученых. Такой подход позволял считать неотвратимое будущее предсказуемым, а значит, политически управляемым. Интересно, что в конце 1980-х гг. Ф. Фукуяма под своей знаменитой метафорой «конца истории» подразумевал, что история должна была завершиться на стадии «либеральной демократии». Однако, полагал он, высшая стадия пролонгируется в виде текста в пределах дальнейшего внутреннего совершенствования формы. Итак, научная абстракция гиперпроектов, основанная на изучении объективных законов, перешла в обычный философский текст, содержащий субъективную точку зрения. В отличие от Фукуямы, прогноз которого до сих пор критикуется за несбыточность, Ф. Уэбстер полагает, что постиндустриальное общество (ПИО) и есть «информационное общество» в конце прошлого века [21. С. 79]. А мы, получается, живем в будущем информационного общества, его цифровой «версии».

Несмотря на фантазийную природу образа будущего, ассоциируемого с индивидуальным креативным сознанием, образ будущего является и в виде социальной типизации, возникающей в коллективном сознании, особенно в переломные эпохи. В чем же состоит политическое управление образом будущего в контексте коммуникации? В данном понимании образ будущего выступает в виде проекта или замысла о будущем, который власть презентует в качестве социально привлекательного. Другими словами, управление начинается с конструирования конкретного образа будущего, признанного самой политической властью в качестве социальной стратегии. У власти есть два варианта источника для моделирования такого рода доминирующего пред-

ставления о будущем. Первый вариант – используется креативное творчество интеллектуала (социального ученого, футуриста), создающего сам воображаемый объект и его субъективную конструкцию, она и кладется в основу официальной стратегии-репрезентации будущего. Второй – за основу социальной стратегии берутся готовые социальные типизации и продукты коллективного воображения, которые оформляются в политические проекты власти. И в том и в другом случае власть «запускает» проект будущего в коммуникативный процесс семиотического «чтения» текста.

При этом само будущее как феномен, воспроизведенный в представлении или образе, становится репрезентативной социальной ценностью и превращается в объект политического управления социальным «знанием» о будущем, опирающимся на научное предвидение. Потому футурология в новое время постепенно трансформировалась в особую отрасль социологии будущего со своим футурологическим методом. Основным способом описания будущего стала прогностика, выстраивающая модель будущего в качестве объекта прогнозирования. А поскольку будущее как объект может быть лишь фантазийным, модель заведомо приобрела характер абстракции. Объективная сторона такого моделирования сводилась к использованию «объективных» законов, основанных на объективно же понимаемых верифицируемых фактах. Но с точки зрения феноменологии, как уже подчеркивалось, факты всегда субъективно проинтерпретированы, потому и выведенные из «фактов» законы и приобретали характер сугубо умозрительный. Получалось, что все конструкции общества будущего заведомо являются абстракциями социальных ученых. По сути же, политическое управление будущим заключалось в навязывании одной идеальной модели в качестве эталонного образа, соответствующего эксклюзивной истине, которая дискурсивно «производилась» самой властью.

Более того, представление модернистского толка об обусловленности будущего естественными законами общественного развития парадоксально сводилось к превращенному, хотя и научно обоснованному суждению о вероятном, т.е. о возможном состоянии объекта управления. Тем самым даже политически управляемое будущее оказывалось все же достаточно неопределенным с точки зрения его основ. Если будущее при этом становилось политической целью, то власть создавала управленческую стратегию, релевантную для ее достижения. Но в силу неопределенности феномена будущего и субъективности образной конструкции само направление «движения» к цели-будущему могло приобретать лишь качественное описание. Потому научное прогнозирование в деле политического управления сознанием подменялось действием «культурного» моделирования, т.е. уже ранее нами описанного символического программирования будущего, и оформлением понятия.

Тем самым будущим можно было управлять, но управление осуществлялось, по сути, виртуально с помощью символического образа будущего. В данном случае сама модель становилась синонимом репрезентации или образа. Управляемое будущее сводилось к некоей конструкции сознания, субъективной реальности (в случае веры в будущее-ценность), и фактами-конструктами данной реальности выступали символические характеристики. При этом «альфой и омегой» моделирования все равно выступает «теоретическая» база, само наличие теоретического компонента. И образ будущего отображает не столько «факты» настоящего, сколько абстрактную схему,

вписанную в ментальный контекст исторической эпохи [22]. В целом представление о будущем вошло в доминирующий модернистский дискурс в пределах структуры общепризнанного знания. Смысловым маркером, носителем смысла и значимой характеристикой постиндустриального общества стало символическое качество «информатизация».

Если в модерне научно сконструированный образ будущего полагался репрезентативным, адекватно отражающим объективную действительность в ее развитии, то в постмодерне образ вообще (и образ будущего, в частности) потерял именно свою репрезентативность. Так называемый «кризис репрезентации» поставил под сомнение возможность социальных наук познавать будущее на основе макропроектов, артикулировавших образец, в сущности, безальтернативного будущего. В постсовременности, особенно 1990-х гг., получили распространение сценарии будущего. Сценарирование представляло собой суперабстрактную спекуляцию, содержащую заведомые варианты, гипотетически обозначающие интенции будущего. Универсальная конфигурация включала три подсценария: пессимистический, оптимистический и промежуточный. Этот типовой спектр возможностей делал предсказание будущего еще более неопределенно-абстрактным, а семиотику будущего разнонаправленной. Не удивительно, что политическая власть в лице ее представителей с тех пор и по сей день не любит говорить о будущем, сводя разговор о ценностях к настоящему или прошлому. То есть образ будущего из сферы конструктивного творчества политической власти, когда представление о будущем конституировалось как смысловой мир, переместился в пространство политической деконструкции текстов. Сегодня будущее как политический текст превращается в «пустую» символическую форму, когда знаки ничего не обозначают и обесмысливаются. И проблема здесь коммуникативная, поскольку нет адекватного языка для «написания» текста будущего. Модернистский политический текст будущего «разобран», но не переосмыслен для постмодернистской эпохи. Представление о прогрессивном грядущем обществе разрушено, но новое будущее еще не изобретено и «не облечено» в форму образа.

Однако в 2020 г. в глобальной политической коммуникации стали воссоздаваться смысловые конструкции на языке образов. Так, в связи с коронакризисом актуализировалась мифосхема «хаос – космос» и в настоящем стали выявляться символические «предзнаменования» будущего. В медиатекстах появились значащие сообщения типа: «Следом за коронавирусом 2020 г. обещает нагревающейся планете пожары, ураганы, наводнения, засуху. А также библейское нашествие саранчи» [23]. Эсхатологичность характеристик предсказываемого будущего свидетельствует о том, что медианарратив о кризисе стал разновидностью политического текста. Медианарратив, «пишущийся» сегодня на языке образов конца света, преподносит «историю» с очевидным смыслом и создает почву для встречного предложения политических проектов будущего во спасение мира. Теперь очередь за конструктивной политической властью.

Литература

1. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219–232.

- 2 Рикёр П. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманитарной лит., 2004. 728 с.
- 3 Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарика, 1998. С. 440–722.
- 4 Щербинина Н.Г. Политический образ и имидж: соотношение понятий // Политический маркетинг. 2010. № 4 (145). С. 71–78.
- 5 Гириц К. Политика смысла // Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. С. 362–380.
- 6 Гириц К. Религия как культурная система // Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. С. 104–148.
- 7 Лотман Ю.М. (совместно с А.М. Пятигорским) Текст и функция. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство – СПб, 2001. С. 434–442.
- 8 Успенский Б.А. Вместо введения. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб. : Азбука, 2002. С. 9–76.
- 9 Гаврилюк Т.В. Понятие «образ будущего» в категориальном поле феноменологической психологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-obraz-buduschego-v-kategorialnom-pole-fenomenologicheskoy-psihologii> (дата обращения: 29.05.2020).
- 10 Гройс Борис. О новом. Опыт экономики культуры. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.
- 11 Бахтин М.М. Риторика, в меру своей лживости... // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 63–70.
- 12 Щербинин А.И. Через полицеизм к тоталитаризму // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 142–149.
- 13 Gershon L. The Birth of the “Policed Society” <https://daily.jstor.org/the-birth-of-the-policed-society/>
- 14 Бауман З. Пять прогнозов и множество оговорок // Иностранная литература. 2006. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/8/pyat-prognozov-i-mnozhestvo-ogovorok.html> (дата обращения: 01.06. 2020).
- 15 Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. NY-Oxford : Oxford University Press, 1989. 307 p.
- 16 Добренко Е. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. Серия: Современная западная русистика. СПб. : Академический проект, 1997. 322 с.
- 17 Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. Серия: Современная западная русистика. СПб. : Академический проект, 1999. 558 с.
- 18 Щербинин А.И. Плакатный стиль политического мышления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 59–75.
- 19 Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 году. СПб. : Наука, 2007. 450 с.
- 20 Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М. : Ad Marginem, 1998. 639 с.
- 21 Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М. : Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- 22 Желтикова И.В. Образ будущего как исследовательская парадигма. URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/6_89151.doc.htm (дата обращения: 30.05.2020).
- 23 За коронавирусом идет потоп, засуха и голод. Прогнозы на 2020 год становятся все мрачнее. 27.04.2020. <https://news.mail.ru/society/41556131/> (дата обращения: 03.06.2020).

Alexey I. Shcherbinin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: shai52@mail.ru

Nina G. Shcherbinina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 56. pp. 285–299.

DOI: 10.17223/1998863X/56/25

POLITICAL CONSTRUCTION OF THE IMAGE OF THE FUTURE

Keywords: political construction; image of the future; modeling; text; meaning; communication; management; reality.

In the article, the image of the future is examined as a symbolic form for political communication and is associated with the constructive activities of the authorities to represent the future. Therefore, the image appears in a conceptual form, being the bearer of meaning. The main semantic context is

culture, and the language of political culture creates a form of understanding, while the main linguistic means is text. In terms of producing texts and meaningful messages, culture is constructive. The authors interpret the image of the future as such a text. Construction is based on a modeling method where the cultural model serves as a program. So, a text message about the future constructs the reality of the future and we “read” this text in the language of images. In political culture, the text of the future shows its projective character, and the future appears to the imagination as a universally valid goal. When juxtaposing times in the semiotic way, the first place is taken by the present, where all images are signified. The image of the future is given only in the categories of apperception; this is an indubitable construct, idealized and close to the imaginary world. Since the future exists in the modus of probability and in the casus of opportunity, it is, in fact, virtual. In the present, the future is encoded in language. If the “writer” of the text is usually a futurologist, a social scientist, or a political visionary, then the “reader” is the “collective personality”. This is how the image of the future, representing the mental trend of the present (connected with the past), is formed. Actually, people believe in the “code”, “knowledge”, which is transmitted through political communication. The main model of a politically controlled future is the “chaos – cosmos” mythology, according to which a new world is being proclaimed. The medieval foresight of the future was based on the idea of predestination. In the modern period, with its value of the “new”, the idea of determinism dominated, which is paid special attention to in the article. In view of this, the concepts “new” and “future” are distinguished. It is concluded that political power used the symbolism of the “new” to shift the emphasis from the problems of the present to a prosperous future and thus drew its foundation from it (Zygmunt Bauman). Both Mikhail Bakhtin and Zygmunt Bauman came to the same conclusion: control over the future legitimizes power in the present. But the nature of capitalism and the class character in the distribution of its symbolic awards led to the materialization of two projects of the future: “Soviet” and “informational”. Two modes of penetration of the future into the present arose: the purchase of its material attributes and the preparation of special political optics for its identification. In the era of postmodernity, under the conditions of the deconstruction of the image of the future, the symbolic activity of the authorities in modeling the future almost came to naught.

References

1. Shcherbinina, N.G. (2019) The Definition of Media Reality and Communication in the Context of the Theory of the Political Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 219–232. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/19
2. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
3. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Experience about man. Introduction to the philosophy of human culture]. Translated from German by A.N. Malinkin et al. Moscow: Gardarika. pp. 440–722.
4. Shcherbinina, N.G. (2010) Politicheskii obraz i imidzh: sootnoshenie ponyatiy [Political image and image: correlation of concepts]. *Politicheskii marketing*. 4(145). pp. 71–78.
5. Geertz, C. (2004a) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 362–380.
6. Geertz, C. (2004a) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN. pp. 104–148.
7. Lotman, Yu.M. & Pyatigorsky, A.M. (2001) Tekst i funktsiya. Stat'i po tipologii kul'tury [Text and function. Articles on the typology of culture]. In: Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB. pp. 434–442.
8. Uspensky, B.A. (2002) *Etyudy o russkoy istorii* [Sketches on Russian History]. St. Petersburg: Azbuka. pp. 9–76.
9. Gavrilyuk, T.V. (2016) The “image of the future” concept in the categorical field of the phenomenological psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 5. (In Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/v/ponyatie-obraz-buduschego-v-kategorialnom-pole-fenomenologicheskoy-psihologii> (Accessed: 29th May 2020).
10. Groys, B. (2015) *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [About the new one. The experience of the economy of culture]. Moscow: Ad Marginem Press.
11. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 63–70.

12. Shcherbinin, A.I. (1994) Cherez politseizm k totalitarizmu [Through policeism to totalitarianism]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 142–149.
13. Gershon, L. (2016) *The Birth of the “Policed Society”*. [Online] Available from: <https://daily.jstor.org/the-birth-of-the-policed-society/>
14. Bauman, Z. (2006) Pyat' prognozov i mnozhestvo ogovorok [Five forecasts and many reservations]. *Inostrannaya literatura*. 8. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/8/pyat-prognozov-i-mnozhestvo-ogovorok.html> (Accessed: 1st June 2020).
15. Stites, R. (1989) *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York; Oxford: Oxford University Press.
16. Dobrenko, E. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelya: sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury. Seriya: Sovremennaya zapadnaya rusistika* [Forming the Soviet reader: social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature. Series: Modern Western Russian Studies]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.
17. Dobrenko, E. (1999) *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury. Seriya: Sovremennaya zapadnaya rusistika* [Forming a Soviet writer. Social and aesthetic origins of Soviet literary culture. Series: Modern Western Russian Studies]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.
18. Shcherbinin, A.I. (2011) Poster style of political thinking: distinctiveness and ways of formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(15). pp. 59–75. (In Russian).
19. Foucault, M. (2007) *Psikhiatricheskaya vlast': Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 godu* [Psychiatric power: A course of lectures at the College de France in 1973–1974]. Translated from French. St. Petersburg: Nauka.
20. Furet, F. (1998) *Proshloe odnoy illyuzii* [The Past of One Illusion]. Translated from French by E.M. Kozhokin. Moscow: Ad Marginem.
21. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow: Aspekt Press.
22. Zheltikova, I.V. (2011) *Obraz budushchego kak issledovatel'skaya paradigm* [The image of the future as a research paradigm]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/6_89151.doc.htm (Accessed: 30th May 2020).
23. BBC. (2020) *Za koronavirusom idut potop, zasukha i golod. Prognozy na 2020 god stanyvayatsya vse mrachnee* [The coronavirus is followed by flood, drought and famine. Forecasts for 2020 are getting gloomier]. 27th April. [Online] Available from: <https://news.mail.ru/society/41556131/> (Accessed: 3rd June 2020).